

Анфиногенов Богдан Витальевич

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОФУТУРИЗМА

В статье предпринята попытка аналитического обзора практики изучения этнофутуризма, проанализирована феноменология как подход к изучению этнофутуризма; определены основные схожие черты и различия этнофутуризма и философии постмодернизма. В качестве источников анализируются работы двух основных теоретиков этнофутуризма: Э. М. Колчевой (Мари Эл) и В. Л. Шибанова (Удмуртия). Этнофутуризм как объект научного исследования существует не так давно, поэтому материал о методологии его изучения и понимания достаточно ограничен. Основываясь на анализе имеющихся исследований этнофутуризма как направления в искусстве и литературе, автор ставит задачу поиска собственного методологического подхода с целью исследования этнофутуризма с точки зрения этнолога, как более широкой концепции и системного явления в этнических культурах России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/8/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (98). С. 11-13. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 008:39

Исторические науки и археология

В статье предпринята попытка аналитического обзора практики изучения этнофутуризма, проанализирована феноменология как подход к изучению этнофутуризма; определены основные схожие черты и различия этнофутуризма и философии постмодернизма. В качестве источников анализируются работы двух основных теоретиков этнофутуризма: Э. М. Колчевой (Мари Эл) и В. Л. Шибанова (Удмуртия). Этнофутуризм как объект научного исследования существует не так давно, поэтому материал о методологии его изучения и понимания достаточно ограничен. Основываясь на анализе имеющихся исследований этнофутуризма как направления в искусстве и литературе, автор ставит задачу поиска собственного методологического подхода с целью исследования этнофутуризма с точки зрения этнолога, как более широкой концепции и системного явления в этнических культурах России.

Ключевые слова и фразы: этнофутуризм; постмодернизм; феноменология; культурология; этнология; культура финно-угорских народов; этническая культура.

Анфиногенов Богдан Витальевич

*Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
bogdananf@mail.ru*

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗМ
КАК ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОФУТУРИЗМА[©]**

Термин «этнофутуризм» широко используется в научной литературе, в Интернете, в самых различных культурных сферах, например, среди российских модельеров, культурных менеджеров, музыкантов. На данный момент об этнофутуризме говорят и пишут не только в финно-угорском мире, это явление заметно расширяет свою географию. На I этнофутуристической конференции в 1994 году был озвучен «Манифест этнофутуризма», в котором «этнофутуризм» был объявлен не идеологией, а образом мышления [1]. Именно об этнофутуризме как особом образе мышления, его философском понимании, методах и подходах к его изучению пойдет речь в данной статье.

Одним из наиболее интересных подходов к изучению этнофутуризма является феноменология. Наиболее полную информацию о нашей теме предоставляют работы Э. М. Колчевой. «Этнофутуризм представляет собой актуальное, многогранное явление современной культуры, незавершенный во времени социо- и этнокультурный процесс. Он вызывает споры и различные оценки как с художественной, так и с идеологической точек зрения. Все это требует от исследователя адекватного методологического подхода», – пишет Э. М. Колчева в статье «Феноменология этнофутуризма» [2, с. 101]. Марийская исследовательница заявляет о том, что феноменология на сегодняшний день – это наиболее подходящая платформа для изучения этнофутуризма. Попытаемся более детально определить, как с помощью данного подхода возможно понять и изучить этнофутуризм, какие связи объединяют феноменологию и данное явление.

Снова обратимся к статье Э. М. Колчевой: «Феноменологическая установка требует от исследователя формулировать критерии качественных оценок явления, исходя из динамики самого объекта наблюдения, а потому масштаб специфичности и уникальности этнофутуризма определяется в следующих параметрах: уровень культуры отдельного народа (например, марийского) как целостного образования, уровень финно-угорской культуры как активно интегрирующейся целостности, уровень российской культуры и т.д.» [Там же, с. 108]. Как мы видим, в таком случае перед исследователем открывается явление (феномен) в его уникальности, отличной от других культур. Мы видим, что при данном подходе подчеркивается многоуровневость явления, при этом проявляется сущность конкретного феномена. Например, в своей работе Э. М. Колчева видит отличие марийского этнофутуризма от финно-угорского в том, что наиболее полно этнофутуризм в Марий Эл раскрылся лишь в изобразительном искусстве, причем, это – творчество художников-одиночек, не объединенных в какие-либо группы, движения. Проанализировав точку зрения Э. М. Колчевой о применении феноменологического подхода в изучении этнофутуризма, можно сделать несколько выводов. Во-первых, феноменология Э. Гуссерля, на теорию которого опирается автор, является очень сложным, неоднозначным методом, с весьма неясными принципами и инструментами исследования. Тем не менее, этот подход может быть продуктивным по отношению к этнофутуризму как явлению в первую очередь в современном изобразительном искусстве. Этнофутуризм не имеет ясных, четких границ, он еще не закончил своё развитие, при этом возникает много вопросов и споров вокруг этого явления, проблем его изучения и понимания. Этнофутуризм, бесспорно, является феноменом не только в художественной сфере, но и в целом в культуре, литературе, общественном движении и т.д. Поэтому анализ этнофутуризма с точки зрения феноменологии оправдан и интересен, тем более в сочетании с системным подходом.

Многие исследователи в своих работах уделяют внимание связи этнофутуризма и постмодернизма. При этом часто проскальзывает мысль о том, что в национальных культурах при постмодерне рождаются

явления, стремящиеся разрушить идеал Европы и Запада как центров культуры мира. «Тоска по истории, выражающаяся в том числе и в эстетическом отношении к ней, смещает центр интересов с темы “эстетика и политика” на проблему “эстетика и история”. Прошлое как бы просвечивает в постмодернистских произведениях сквозь наслоившиеся стереотипы о нем, понять которые позволяет метаязык, анализирующий и интерпретирующий язык искусства как самоценность... ему можно придать и принципиально иной смысл: постмодернизм означает отход от экстремизма и нигилизма неоавангарда, частичный возврат к традициям» [3]. В данном энциклопедическом тексте о постмодернизме нами выделены два выражения: «тоска по истории» и «частичный возврат к традициям». Именно они отсылают нас к этнофутуризму, этими выражениями вполне можно его охарактеризовать. Тоска по истории, по древнему архаичному мифу прослеживается в творчестве этнофутуристов (художников, писателей), об этом можно прочитать у многих авторов. В этнофутуризме актуализируется именно древняя мифология народов, в отличие от фольклора, который бытует и в наше время. Например, в последнее время в Интернете активно развивается «мерянский этнофутуризм», основанный на поисках неизведанной истории, на «тоске по истории» исчезнувшего уже финно-угорского народа меря. Если же говорить о «частичном возврате к традициям», то и эта характеристика применима к этнофутуризму. Так, неожиданные встроения этнических, традиционных элементов (слов, образов, символов) встречаются и в литературе, и в изобразительном искусстве этнофутуризма. Вполне понятно, что этнофутурист – это современный человек, пользующийся благами цивилизации, включенный в современное информационное пространство, но при всём этом в творчестве частично возвращающийся к традициям своего народа, пытающийся сохранить всё лучшее, что создал этнос, не «отрываться от своих корней» и развиваться дальше.

Приведем еще отрывок о постмодернизме из этого же источника, в котором речь ведется об основных чертах ситуации постмодерна: «Для интеллектуалов “третьего мира” очередная деконструкция вчерашних кумиров становится теоретической деконструкцией западной цивилизации в целом. Возникает соблазн утверждения своей, антизападной культуроцентричности, своей национальной и конфессиональной спеси. Преодоление постмодернизма требует нового духа» [Там же]. Действительно, вдумываясь в смысл постмодернизма, который «говорит» о кризисе западной цивилизации, несовершенстве техногенного прогресса, бездуховности и безыдейности современной культуры, возникает вопрос, что же придет за этим, как преодолеть этот кризис культуры? Очень часто звучит мысль о том, что этнофутуризм с его экологической идеей, идеей уникальности этнических культур, стремлением к сохранению традиций является способом преодоления постмодернистского кризиса, новым этапом в культуре. Так, в 2001 г., на IV этнофутуристической конференции в Тарту удмуртский литературовед, теоретик этнофутуризма В. Л. Шибанов выступил с докладом «Этнофутуризм как возможный выход из постмодернистского тупика» [5].

Идеи В. Л. Шибанова нашли как своих сторонников, так и критиков (в лице старшего поколения удмуртских литературоведов). Несмотря ни на что, удмуртский ученый в любом своем исследовании этнофутуризма пытается найти связь с постмодернизмом. Например, для характеристики современной удмуртской литературы используются такие определения как «шизонарциссический тип героя», «осколочное мышление», «мир как хаос», «текст как мусорная корзина».

В ходе данной работы мы рассмотрели возможности феноменологического подхода к изучению этнофутуризма, который использует в своих работах Э. М. Колчева. В целом, это вполне оправдано, хотя мы пришли к выводу, что этот подход полезен только при культурологическом исследовании этнофутуризма как направления в современном искусстве. То же можно сказать и о постмодернистском анализе удмуртской этнофутуристической поэзии и прозы, который использует удмуртский литературовед В. Л. Шибанов. Если же говорить об исследовании этнофутуризма с точки зрения историка, этнолога, то перед нами встает необходимость поиска собственной философско-методологической платформы, отличной от той, что применяется в среде культурологов, искусствоведов, литературоведов. В этом плане мы соглашаемся с тезисами исследователя из Чувашии М. С. Уколовой. При обосновании методологических установок своей диссертации она говорит о преимуществах комплексного, системного подхода, который предоставляет возможность преодолеть ограниченную трактовку термина как узкого, этнокультурного, только художественного направления, при этом приравненного к явлению постмодернизма. «Системный анализ помогает избежать подобной односторонности и способствует пониманию этнофутуризма как целостной мировоззренческой системы в ее многообразных проявлениях в таких формах современной культуры, как идеология, повседневность и искусство, что характерно для разных регионов России», – пишет М. С. Уколова [4].

Рассмотрев основные подходы к изучению этнофутуризма, мы пришли к выводу, что на данный момент этнофутуризм нуждается в исторической, этнологической оценке и исследовании на основе системного подхода с использованием историко-генетического метода, метода сравнительного анализа и т.д. Это позволит получить новое, более полное понимание феномена этнофутуризма.

Список литературы

1. **Иярл-Лыхмус Маарья, Юлле Каукси, Хейнапуу Андрес, Кивисильдник Свен.** Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее // Водопитицная дорога. Тарту, 1995.
2. **Колчева Э. М.** Феноменология этнофутуризма // Финно-угроведение. 2007. № 1. С. 101-110.
3. **Постмодернизм** [Электронный ресурс] // Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/956/ПОСТМОДЕРНИЗМ (дата обращения: 24.06.2015).

4. **Уколова М. С.** Феномен этнофутуризма в современной культуре [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филос. н. Казань, 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/fenomen-etnofuturizma-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 24.06.2015).
5. **Шибанов В. Л.** Этнофутуризм как возможный выход из постмодернистского тупика [Электронный ресурс]. Тарту, 2001. URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/4/shibanov.html> (дата обращения: 24.06.2015).
6. **Шибанов В. Л., Кондратьева Н. В.** Черты этнофутуризма и постмодернизма в современной удмуртской литературе // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития. Ижевск, 1999.

PHENOMENOLOGY AND POSTMODERNISM AS BASIC APPROACHES TO STUDY OF ETHNOFUTURISM

Anfinogenov Bogdan Vital'evich

*Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
bogdananf@mail.ru*

The article undertakes an attempt of the analytical review of studying ethnofuturism practices, analyzes phenomenology as an approach to the study of ethnofuturism; and determines the main similarities and differences of ethnofuturism and philosophy of postmodernism. The works of two main ethnofuturism theorists are analyzed as the sources: by E. M. Kolcheva (Mari El) and by V. L. Shibano (Udmurtia). Ethnofuturism as an object of scientific research has existed for not so long, that is why material on the methodology of its study and understanding is rather limited. Basing on the analysis of the available researches of ethnofuturism as a direction in art and literature the author raises the problem of finding his own methodological approach to study ethnofuturism in terms of the ethnologist as a broader concept and system phenomena in the ethnic cultures of Russia.

Key words and phrases: ethnofuturism; postmodernism; phenomenology; culturology; ethnology; culture of Finno-Ugric peoples; ethnic culture.

УДК 94(37).08

Исторические науки и археология

*В эпоху поздней Империи в римской армии большую роль играли *auxilia*, выполнявшие на полях сражений те же тактические задачи, что и легионы. Предполагается, что со времен Константина I ауксиллии, вербовавшиеся из среды чужеземных варваров, стали основным типом воинских формирований. Впрочем, литературные и эпиграфические данные позволяют сделать вывод, что, хотя количество германцев в армии Константина было велико, это не означало того, что все они были иноземными наемниками, а отряды, составленные из них, занимали особое положение в структуре римских вооруженных сил. Вместе с тем, многие из ауксиллий вполне заслуженно пользовались в IV столетии известностью и считались одними из наиболее боеспособных подразделений в римской армии.*

Ключевые слова и фразы: Римская империя; римская армия; Константин; германцы; галлы; варвары; ауксиллии; легионы.

Банников Андрей Валерьевич, к.и.н., доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет
elephantomasha@mail.ru*

ЭЛИТНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕРИМСКОЙ АРМИИ (ЧАСТЬ 2)[©]

Некоторые из ауксиллий, дислоцированных в IV столетии в Галлии, имели давнюю историю и пользовались в армии особым почетом. Это прежде всего касается *Корнутов Бракхиатов, Петулантов, Кельтов, Герулов (Эрулов) и Батавов*.

В соответствии с наиболее распространенным мнением, подразделение *Cornuti* было сформировано из германцев, возможно из пленников. Есть основания полагать, что *солдаты-корнуты* происходили с побережья Северного моря, с территории современных Дании и Шлезвиг-Гольштейна [9, р. 138]. Доказательством их северного происхождения служит, прежде всего, символика на щитах, представленных на миниатюрах в *Notitia dignitatum* [5, р. 1656-1659]. А. Альфельди и некоторые другие исследователи полагают, что на щитах *Корнутов* изображены рога, а название самого отряда можно перевести как «рогатые», или «козлы» [3, р. 172]. Впрочем, у этого названия может быть и другое объяснение. Известно, что в IV столетии в римскую армию проникают многие германские обычаи. Одним из них становится боевой клич – *barrum (barritus)*, который солдаты издавали перед тем как вступить в рукопашную схватку с врагом [1, с. 109, 371; 2, с. 247]. Возможно, неслучаен тот факт, что упоминая о *баррите* в первый раз, Аммиан Марцеллин связывает его с *Корнутами* и *Бракхиатами* [1, с. 109]. Считается, что использовать *barritus* как боевой клич *Корнута* разрешил Константин I [3, р. 172]. Само слово *barritus*, очевидно, германского происхождения [1, с. 371], означает «рев слона».